

РОЗДІЛ I

Соціологія: актуальне, дискусійне

УДК 101.1:316.347

Юлія Емельянова

Этнос в предметной области социальной философии

В статье рассматривается проблема теоретического определения этноса в предметной области социальной философии и социальной теории. Предлагается возможная стратегия исследования этнических процессов, а также обосновывается необходимость логико-философского обобщения массива знаний по этому вопросу, накопленных в науке о человеке. Сущность и роль этноса как субъекта социальной реальности анализируется с позиции интегрального подхода и теории организации.

Ключевые слова: социальная реальность, общество, этнос, субъект социальный, этническая организация.

Постановка научной проблемы и ее значение. Выделение предметного поля науки непосредственно связано с моментом и причинами ее возникновения. Знания о мире людей, о формах их совместного существования европейцы формулируют в античности, закладывая научное и философское познание социального процесса, которое идет не одну сотню лет. Но и сегодня мир людей – общество (социум, социальное пространство, социальная реальность) – остается малоизведанным предметным полем в общей структуре мировоззрения. Одной из «тайн», несмотря на усилия многих исследователей, является этнос. Философия, социология, психология, этнография и этнология, социальная и культурная антропология, целый ряд других научных дисциплин рассматривают этнос и этнические феномены своим предметом, но не находят им общепринятого научного объяснения.

Анализ исследований по проблеме. Анализ и объяснение этносоциальной проблематики как части проблематики общесоциальных процессов и явлений сделаны в достаточном количестве работ отечественных и зарубежных авторов. С начала 1990-х гг. в СССР, а затем в постсоветскую эпоху с различных исследовательских позиций осуществляется поиск подходов к феномену этноса и нации (В. Андрущенко, О. Антонюк, В. Балушок, В. Баран, Я. Баран, О. Билявская, А. Бычко, И. Бычко, И. Варзар, Б. Глотов, П. Гнатенко, В. Евтух, Л. Зализняк, А. Картунов, П. Кононенко, Т. Кононенко, И. Кононов, С. Крымский, О. Лойко, Л. Нагорная, А. Майборода, В. Наулко, А. Нельга, В. Овчаренко, Ю. Павленко, А. Пономарев, Б. Попов, М. Попович, Ю. Рымаренко, Б. Савчук, В. Серeda, М. Скалецкий, М. Степико, В. Табачковский, М. Тиводар, Ю. Фигурный, Н. Хамитов, Н. Черныш, А. Чирков и др. (Украина); С. Арутюнов, Ю. Арутюнян, Ю. Бромлей, Л. Гумилев, Г. Денисова, Л. Дробижеева, А. Дугин, И. Заринов, В. Карлов, В. Кессиди, А. Коростелев, Ч. Ламажаа, В. Малахов, В. Мархинин, А. Окладников, Ю. Попков, С. Рыбаков, Н. Скворцов, С. Соколовский, А. Сусоколов, В. Тишков, Н. Чебоксаров, С. Чешко и др. (Россия)).

В указанный период распада Советского Союза и образования независимых государств ученые большее внимание уделяют феномену нации и национального государства, проблема же этноса, как и связи этнического и национального, продолжает оставаться не решенной. Большое количество исследований этноса, этнических и национальных феноменов проводится и в западном мире. Несмотря на значительное концептуальное разногласие между западными и не западными, условно говоря, школами, авторами, теоретическая неопределенность понятий этноса и нации объединяет работы и тех, и других.

Такое положение свидетельствует о проблеме понимания сущности самого этноса, что приводит, в том числе, и к отсутствию его конвенциональной модели. Обостряя проблему, можно сказать, что

поліетнічність мирового соообщества, которая сегодня стала одним из факторов стремительных перемен социального бытия, не находит в современной философии и социальной теории общепринятого объяснения.

Постановка задач и цели исследования. Для обоснования предположений о сложившейся ситуации в объяснении природы и сущности этноса, понятийной неопределенности в этносоциальной проблематике проанализируем процесс «вхождения» этноса в предметное поле социальных исследований и выделим основное противоречие в методологических подходах к его исследованию.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. Известный исследователь социальных противоречий В. Барулин отмечал в 90-е годы прошлого века, что на фоне классической философской антиномии концептуально-теоретического и феноменологического описания общества процесс углубления знания идет (в европейской культуре) по трем направлениям. Первое направление Барулин определил как экстенсивное, количественное исследование различных сторон общественной жизни. Второе направление можно обозначить как процесс «разделения» общества в целом и его составных частей-структур: политических, государственных, духовных, социально-экономических. Третье направление – постижение сущности общества как целостного явления, понимание его основных детерминационно-функциональных связей и зависимостей. Барулин указывал, что в третьем направлении сосредоточена основная линия социального познания, именно в нем проходило вычленение общества как специфичного сложного предмета социально-философской рефлексии.

Фундаментом изучения общества и социальной реальности в целом становится историко-философское знание, приближающее к пониманию логики исторического процесса. Создаются абстракции, позволившие привести внешнее разнообразие к некоторым единым основаниям; появляются понятия, передающие ощущение зыбкости, текучести, виртуальности и противоречивости социальных явлений и процессов, т. е. их проблемного характера.

Проблематизация социального бытия имеет свою собственную историю и логику, которая объясняется принципиальной ненаблюдаемостью социального мира и необходимостью искусственного его конституирования. В первоначальный период античной истории максимально понятными и неопровержимыми для человека являются его родственные связи, оттого и воззрения на природу, весь мир сводятся в основном к выдвиганию на первый план родственных отношений. Анализируя античность как особый тип культуры, А. Лосев писал, что человек ощущает себя включенным в сообщество (род, племя), в природу, в универсум, и это ощущение неразделимости формирует чувство сопричастности к «своим» и неприятие «чужих». Необходимость поддержки сообщества становится элементом поведения индивида, в то же время развивающаяся рациональность приводит к разделению личного и общественного, регулирует баланс интересов между собственной парадигмой существования и включенностью в социальный мир. Платон и Аристотель выстраивают теоретические системы, которые вводят человека в контекст социальной жизни через отказ от его уникальности.

Становление социального мировосприятия в эпоху античности приводит к пониманию, что мир человека представляет собой сложно структурированное бытие, имеющее разные уровни взаимопроникающей элементарной и структурной организации. В античности же определилась и специфика познания социального мира и его феноменов в русле двух интенций: эпистемной (стремление к достижению истинного знания) и софийной (ценностно-императивные и оценочные суждения о сущности и значении происходящего в мире). В рамках второй интенции зарождаются первые обобщенные концепции общественной жизни. Реалистические (идеалистические) концепции связаны с религиозной (христианской) картиной мира, при помощи которой абстрактное познание общественного бытия осуществляется в свете наивысших метафизических идей. Условием постижения реальности человеческого мира становится радикальное переосмысление пространства и времени: пространство расширяется. Это изменение связано, в том числе, и с осознанием индивидами (обществом) субъектной – человеческой – формы своего бытия. Субъектность предполагает историческое пространство общественного бытия, в котором человек способен реализовать свои способы удовлетворения потребностей, вступать в общение, действовать в социальном мире. Осознание субъектности оторвало индивидов от «встроенности» в космические безличные процессы, – в целом от природы, и впервые обозначило их «присутствие» в субъектной форме общего уровня (А. Августин, Р. Декарт, Ф. Бэкон, Т. Мор, Э. Роттердамский и др.). Натуралистические (виталистические) концепции объясняют

общественные явления «снизу», из природы: в современных вариациях этот подход предстает, в частности, в социобиологии; в географическом детерминизме, социальном организме, социальном дарвинизме, социальном бихевиоризме и т. п. Противоположная позиция представлена в деятельностных концепциях, которые утверждают, что специфический социальный мир (принципиально не-природный и сверхприродный) создается человеческой деятельностью; что источник общественных изменений находится в самой общественной жизни людей. Основания деятельностного подхода к пониманию общественного устройства можно обнаружить уже у Дж. Вико; в развитом виде различные типы деятельностной модели появляются в середине XIX в. и подчеркивают роль инструментов («технологий») в конституировании общественных феноменов и отношений. В техницистской и коммуникационной модификациях деятельностной модели (Д. Белл, У. Ростоу, М. Макклуюэн и др.) социальный мир конструируется участниками деятельности intersubjectively, однако экстериируется как существующий вне их.

В социально-философской концепции Т. Гоббса общество понималось как целостность, которая осуществляет свою деятельность с согласия самих индивидов и содержит те структурные элементы, которые превращают их хаотическое скопление в упорядоченную систему. В отличие от Гоббса, Д. Юм полагал, что безгосударственное состояние природно изначально и поэтому «нормально» для людей. И. Гердер, обобщив огромный материал из этнографии, антропологии, психологии, этики, отметил внутреннюю устремленность общества к более зрелым формам человеческого бытия, т. е. обосновав принцип историзма, И. Кант указывает на гуманизм и моральность в общественном согласии как на основную цель всей истории человечества. Г. Гегель в работе «Философия права» выделяет семью (сферу нравственности) и «гражданское общество» – систему всесторонней телесно-духовной взаимозависимости людей. Объединив семью и гражданское общество в государстве, понятом как высший синтез партикулярной семейной нравственности и гражданского общества, Гегель предпринимает первую серьезную попытку понять общество как целое в «тотальности» всех его измерений.

К. Маркс создает первую легитимно оформленную онтологию общественного бытия, где указывает на его материалистические основания, объясняющие специфику и сущность общества. Маркс постулирует при этом, что дихотомия «материальное – идеальное» глубока и сложна; что базовой (субстанциальной) структурой, обеспечивающей социальную целостность, является сфера материальных (производственных) отношений; наконец, что социальная реальность обеспечивается отношениями и связями людей [1, с. 5–9].

В XIX в. начинается процесс конституирования общества как сверхприродного неэмпирического объекта. Формируется допущение, что в ходе социально согласованной взаимной деятельности люди создают уникальный по онтологическому статусу продукт – общество. О. Конт и Г. Спенсер, применив организменный подход, представили общество целостным социальным организмом, стремящимся ко все более сложным формам. Главные аспекты его предметной области – социальные структуры, институты и процессы. По Конту, общество – это органическое единство всего человечества или какой-либо его части на основе идеи «всеобщего согласия»; между обществом и индивидом находится семья, которая представляет собой «истинное единство» в отличие от самого общества, выступающего «внешней», принудительной силой [2]. Г. Зиммель предположил, что всеобщая и априорная основа существования общества может быть найдена только в «индивидуальных сознаниях», поскольку индивидуальное сознание способно к постижению мира в обобщенных образах. Общество есть совокупность форм и систем взаимодействия, а человек – «общественный атом» [3]. Э. Дюркгейм, заложивший методологические принципы структурно-функционального подхода к изучению общества, рассматривает его как изменяющуюся реальность, а фактором изменений называет отношения между обществом – интегрирующим, «давящим» на индивида, – и ростом индивидуальной свободы [4, с. 204–252]. Ф. Теннис общественную связь видит как реализацию чувства безопасности, доверие к стабильному функционированию трех больших систем: порядка, права и морали. Краеугольное понятие в его концепции – «социальное согласие» – означает взаимное согласие к существованию определенной общественной формы: группы, общины, любого объединения, действующего как единое целое и внутри себя, и вне [5].

Во второй половине XIX – начале XX вв. исследователи выявили символическую природу социальных отношений, осознали фундаментальную роль взаимоориентированности двух и более

индивидов (М. Вебер). Концепцию социального действия Т. Парсонс усложняет до модели самоорганизующейся системы, включающей в себя, во-первых, символические механизмы-регуляторы (язык, ценности и т. д.); во-вторых, нормативную зависимость индивидуального действия от общепринятых ценностей и норм; в-третьих, определенную иррациональность, независимость от условий среды и одновременно зависимость от субъективного определения ситуации. Парсонс использует системный подход и выделяет четыре уровня организации социальных систем: человеческие индивиды, взаимодействующие друг с другом в соответствии со своими социальными ролями; коллективы, в которые организуются индивиды в соответствии со своими социальными ролями; социальные институты (образование, политика, право, искусство и т. д.); общество как целостная система, создающаяся в процессе взаимодействия индивидов, коллективов и социальных институтов на основе определенных ценностей [6]. Обращение к работам Э. Гуссерля приносит в социальную теорию понимание того, что социальное невозможно описывать только лишь через социальное. Существует сфера «человеческой обыденности», «жизненный мир», повседневность, природно-телесное и лично-общественное бытие/поведение человека, – необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм его жизнедеятельности [7, с. 175].

Во второй половине XX в. осмысление бытия человека в мире начинает ориентироваться на онтологизацию самого человека, его внутреннюю организацию. Наблюдается изменение содержания понятия «общество», оно конкретизируется через развертывание в разных таких «форматах», как личность, культура. В 70-е годы XX в. в моделировании общества на первый план выдвигаются его динамические характеристики. С. Московичи пишет о «преобладании созидания над системой, генезиса над структурой» [8, с. 497]. В сложившейся ситуации в той системе специфической коммуникации, что обеспечивала особый тип рефлексии общества, вопрос «что есть общество?», по сути дела, заменяется вопросом «как оно возможно?».

Ответ на поставленный вопрос был подготовлен всем ходом европейского обществознания, которое, анализируя жизнь людей, опирается на понятие человека и исходит из понимания человечества как единого вида *Homo sapiens*. Признается также наличие общечеловеческого качества – *социальности*, – приводящего к совместному коллективному (связному) существованию людей в форме общности. Начиная с исторически первой формы существования «человека разумного» – родовой общины, – в общности реализовались и преобразовались социальные начала, существовавшие в первобытном человеческом стаде. *Социальная общность* выступает родовым понятием по отношению к понятию «общество»; социальная общность объективно задана способом социальной взаимосвязи людей и отражает повседневную форму их коллективной жизнедеятельности – объединение.

В процессе истории менялись, множились и основные формы человеческого объединения – социальные общности, однако всегда сохранялось относительное разделение людей по различным признакам, служившее основой для сохранения и воспроизводства отдельных групп. В античности отмечена «изначальная» непохожесть, «инаковость» человеческих коллективов, требующая определенной изолированности их друг от друга, и в то же время их взаимодействия. Данные археологии дают достаточно материала для утверждения, что с эпохи верхнего палеолита «*Homo sapiens*» представлен множеством автономных групп, определяемых в научной литературе как сообщества, общества, культуры, роды, родо-племенные объединения на основе кровнородственных связей. Первые античные народоописания (Геродот, Плиний, Страбон и др.) зафиксировали целый ряд признаков, отличающих древние групповые объединения людей. Наиболее глубоко оппозиция «мы» – «они» проявляется в общностях-этнсах.

Понятие этноса появляется в античной Греции, поддерживающей тесные контакты с соседними и географически далекими народами: греческая колонизация в Средиземноморско-Черноморском бассейне, походы Александра Македонского и другие события способствовали этому. Зарождаются объяснительные концепции этнического разнообразия в трудах античных авторов. В понятии «этнос» (от греч. *ethnos* – народ, племя, стадо) отмечается естественное происхождение людей, указывается на источник увеличения их количества: они «народились» и существуют как «род», идущий от «жены», «женщины».

В течение многих столетий накапливаются разнообразные знания о народах, в том числе, Африки, обеих Америк, Океании, Азиатского региона. На основе работы культурологической, исторической, этнографической мысли в XVIII–XIX ст. (Л. Морган, Ф. Энгельс и др.) создается концепт-мифологема

«первобытное общество» как базовая, единая для всех народов социальная, культурная, хозяйственная и политическая модель исторически первоначального «стартового» этнического состояния.

Из такого представления логично вытекает представление об однопорядковости конкретного общества (общности, этнокультурной группы) и человечества как социальных явлений. Вплоть до конца XIX в. в европейских исследованиях общество понимается как уменьшенная копия и модель человечества, а человечество – расширенное до предела общество, «общество обществ». Идея «расширяющихся социальных вселенных» поддерживалась О. Контом, К. Марксом, Г. Спенсером и другими известными мыслителями.

Представление о социальной динамике – одна из древнейших абстракций, – в европейской истории имеет свою специфику. Несмотря на разработку практически всех известных ее типов (циклического – Гераклит, Эмпедокл, Полибий, Дж. Вико, Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, Л. Гумилев, Н. Кондратьев и др.; спирального – Гегель, Маркс и др.; линейного – Дж. Вико, И. Гердер, Ж. Кондорсе, Гегель, У. Ростоу, Д. Белл и др.), преобладающей становится унитарно-стадиальная модель социальной динамики. Даже в ее современных вариантах (теория индустриального общества Ж. Фурастье, Р. Арона и теория постиндустриального или информационного общества А. Турена, О. Тоффлера, И. Иллича, И. Масуды и др.) завуалировано содержатся идеи общего прогресса и универсальности. В каждой из созданных мировоззренческих картин представлена схема параллельного развития специфических общественных (хозяйственных, социальных, политических, культурных) систем. Критиковали такой подход А. Тойнби, В. Зомбарт, Ф. Ницше, – аргументировано разоблачая упрощенческие тенденции в историческом знании.

Более сложной, чем однолинейная схема развития общества, предстает модель «двухлинейная», в которой выделяются две ветви (два полюса, две матрицы) социальных процессов – Западная и Восточная. Под Восточной подразумевается множество общественных образований с весьма различным строем жизни: буддистская Индия, конфуцианский Китай, синтоистская Япония, языческое Перу. Западная ветвь также неоднородна, границы ее подвижны: Западная Европа, Северная Америка и др.

В течение тысячелетий накапливались знания об особенностях жизни народов этих двух больших регионов, а непосредственные этнические контакты послужили эмпирической базой для выявления двух противоположных праформ, задавших ритм социального бытия – восточного и западного (европейского). Восточная праформа лежит в основе социальных образований (гармоничных «организмов»), чрезвычайной стабильности (Египет, Китай), которые объединяет почтение человека к своему прошлому, к социальной целостности. Западная праформа своими характеристиками предопределила подвижность и изменчивость облика своих социальных форм, легла в основу создания обществ, организация которых напоминает сложный механизм. В них образовалось базисное субъект-объектное отношение, в котором человек отчуждается от природы, она становится средой обитания – своеобразной мастерской. Важно отметить, что специфический способ видового бытия человека – социальность – предстала в западных обществах как внешний мир, который надо изучать, чтобы понять; который можно трансформировать вплоть до разрушения и воссоздавать в новых формах.

Унитарно-стадиальная идея социальной динамики как ведущая в европейском обществознании нашла свой «объект» в теоретической модели первобытного родового коллектива, что открыло перспективы теоретического сравнительного анализа социальной и культурной динамики различных сообществ, этносов, этнокультурных групп как в Европе, так и за ее пределами. Европейское общество, уже в XIX в. представленное рядом модернизирующихся сообществ, трансформирующих свою социальную практику и стирающих этнокультурные границы в движении от «примитивного» состояния к «развитому», – оценивается ведущими теоретиками в качестве проблемного, но в определенной мере – образцового.

В эпоху Модерна идет интенсивное изучение многообразных «малых» обществ, их этнокультурное своеобразие осознается в рамках культурной и социальной антропологии, теории цивилизаций. Исследуется большая группа явлений: системы родства, взаимоотношения языка и культуры, особенности пищи, жилища, брака, семьи, разнообразие хозяйственных систем, особенности социальной структуры и стратификации, организации власти и управления, роль религии и искусства и т. д. В культурной антропологии (Э. Тайлор, А. Кребер, М. Херсковиц и др.) был сделан вывод, что отдельные культуры, как и природу, необходимо изучать, руководствуясь естественно-научным методом. Кребер, опираясь на идеи В. Виндельбанда и Г. Риккерта, утверждал, что развитие отдельных народов

специфічно, поэтому требует при исследовании разных уровней – эмпирического, конкретно-этнографического и теоретического (этнология, культурология). Херсковиц одним из первых озвучил идею культурного релятивизма и заявил о необходимости изучения общего историко-культурного процесса как суммы разнонаправлено развивающихся культур.

Теория цивилизаций (Н. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.) пытается разрешить противоречие единства и многообразия истории, обобщить масштабные социокультурные закономерности существования локальных (этнических и полиэтнических) общностей. Аргументируется положение о том, что культура – это весь комплекс ценностей, какие существуют в том или ином обществе, все поле интеллектуального и духовного поиска, а цивилизация – это кристаллизация культуры в долговременных ценностях, прошедших проверку во времени. Отмечается, что социальные образования (определяемые по этнокультурному, религиозному, технологическому или историко-хронологическому принципу) представляют собой относительно самостоятельные целостности со своей оригинальной историей, обусловленной широким набором своеобразных условий их существования. Они обладают непреходящей ценностью, не препятствующей вхождению во взаимодействие и диалог с другими. Исследование таких социальных образований возможно только на основе сравнительного изучения их реально существующих исторических форм.

Практикой, однако, становится навязывание динамики движения к «развитым» – западноевропейским – социальным формам, культурным и правовым нормам, а также пренебрежение этносоциальной спецификой, – как неевропейских, так и некоторых европейских народов. Так воплощается идея социальной динамики в виде поступательного развития, которое ведет к слиянию «малых» обществ с «большими» [9, с. 597–610]. Описанные процессы – теоретические и практические – стали подготовкой условий для вовлечения неевропейских народов в хозяйственную жизнь европейцев, чаще на территории, весьма далекой от Европы.

Можно сделать небольшое обобщение и отметить, что к середине XX в. европейское обществознание оперирует теоретическими инструментами в виде категорий, понятий, концептов; создает ряд понятийных схем, концепций и теорий, отражающих различное понимание социально-исторического процесса, его структуры, субъектов, противоречий и перспектив. Общественная жизнь становится неотъемлемой частью интеллектуального освоения человеком социальной реальности.

Теоретическое осмысление накопленных социальных знаний приводит к признанию многофакторности возникновения и многообразию проявлений социального бытия и динамики его изменений, а также существования различных субъектов социального процесса, в том числе этносов. В теориях, моделях исторического развития человечества присутствует идея усложнения общественного бытия, – от технологического совершенствования отношений с природной средой внутри отдельного социального «мира», – до возможности индивидуального духовного обогащения и личностного роста в условиях социальной среды. Признается неравномерность достижений – материальных и духовных – каждым общественным целым; высказываются различные мнения относительно возможности и необходимости преодоления различий в социальном движении. Философская и социологическая мысль исследует масштабы включенности обществ во всемирный исторический процесс (количественный аспект); формулирует критерии, позволяющие сравнивать качественные проявления социальной жизни, что приводит, в том числе, к формированию идеалов гуманизма. Однако представление о прогрессистско-линейной направленности социального процесса, преобладавшее в западноевропейском обществознании и философии, оставляет «в тени» некоторые важные вопросы.

Так, обладая большим запасом знаний об этническом феномене социального бытия, европейские исследователи не анализируют причины продолжительного исторического существования этнических сообществ, «неисторических» народов в контексте закономерностей «необходимость – случайность»; их роль в сложном переплетении социальных, культурных, духовных, технологических, политических и других процессов преуменьшается или игнорируется.

Учитывая планетарные масштабы распространения такого образа жизни, который характеризовался западноевропейской мыслью как «примитивный» (домодерный, доиндустриальный, негосударственный и т. д.), можно утверждать, что в целом европейская социальная философия формирует европоцентристские, упрощенные, в определенной мере, обобщения закономерностей существования социального мира, социальной материи. Так, основным типом движения при социальном изменении признавалось «отрицание», элиминирование старых форм, их поглощение новыми социальными

формами и структурами. Модель такого процесса – «расширяющаяся социальная вселенная» (А. Гофман), в которой этнос (этническая культура, этническая социокультурная общность) является лишь «материалом» для ее воплощения, теряющим свою субъектность.

В прогрессистской модели содержанием социальной реальности стало общесоциальное движение, направленное к некоторой «провиденциальной» цели, к которой народы следуют друг за другом («отсталые» за «передовыми»), а критерием для их выстраивания является уровень технического развития как фундаментальный фактор. Специфические особенности многочисленных проявлений народной жизни в рамках этнических миров игнорировались. В противоположных по типу социального движения – культурологических моделях – социальная реальность представлена в виде локальных, этнических и полиэтнических культур (цивилизаций), которые не могут двигаться «в одном направлении», а чаще и не имеют возможности тесного взаимодействия в силу своей специфики, социокультурной оригинальности и т. п.

Можно утверждать, что вплоть до второй половины XX в. общество и этнос входят в предметное поле социально-философского анализа в рамках европейской традиции, однако не создают интеллектуального напряжения в своем теоретическом «существовании».

Во второй половине XX в. общепланетарное социальное движение – глобализация – разрушает устоявшиеся столетиями типы взаимосвязи индивидов и сообществ в их культурных ареалах. «Этнический ренессанс» показывает усиление партикулярной тенденции в социальном движении, которой в западной теоретической традиции не придавали значения.

Неожиданная для исследователей мощь «ответа» этнокультурных сообществ на процессы глобализации приводит к обновлению научных представлений об этническом и созданию концепций этноса (этничности) в широком теоретическом интервале: примордиализм – конструктивизм. В рамках этих концепций этнос подается, условно говоря, в двух «измерениях». Примордиалистское направление утверждает первоначальность и неизменность этнической организации человеческого мира. Укорененность осознания групповой принадлежности в генетическом коде человека создает способность распознавать членов родственной группы, что необходимо для выживания на ранних этапах становления человечества (И. Фихте, И. Гердер, К. Гиртц и др.).

Конструктивистское направление часто лишает этнос какой-либо предметной, материальной основы (территории, хозяйства, языка, культуры) и определяет его исключительно через добровольную идентификацию, как интеллектуальный конструкт элит, «навязанную» социальность, «удобную» для «этнической мобилизации» населения политиками. Этническую мобилизацию объясняют потребностью в изменении социальной стратификации, чаще – стремлением подняться в высшие слои общества (Э. Геллнер, П. Бурдьё, Б. Андерсон, В. Тишков и др.).

Такой диапазон определения одного явления показывает заметное отставание этнологии (как теории и методологии осмысления и объяснения этнических процессов) на фоне систематизированного корпуса исследований культуры, цивилизации, государства. Как «единица» социального этнос выделен, но теоретически «потерян»: исследования не дают системного объяснения этнокультурно обусловленной мотивации солидарного поведения людей, образующих локальные миры. Кроме того, дискурс вокруг проблемы этничности весьма слабо структурирован, понятийный аппарат – размыт. Остается не решенным вопрос о ведущем научном направлении, фундирующем междисциплинарные исследования.

Вывод и перспективы дальнейших исследований. Философская необеспеченность этнической проблематики привела к росту дискретности исследований, эмпирическая составляющая которых обособилась, а теоретические константы политизировались. Вместе с тем, антропологический поворот в современной философии остро требует концептуализации факта фундаментального «присутствия» этнического «способа организации» мира человека, позволяющего утверждать этническое в неблагоприятных условиях глобализации.

Анализ и объяснение происходящих перемен в социальном мире возможны сегодня как актуализация задачи расширения онтологии социального. Это означает исследование противоречия глобального и локального, рационального и иррационального в русле постнеклассической парадигмы объяснения реальности. В этом случае методологическими установками, способствующими объяснению этносоциальных процессов, могут быть феноменология и коммуникативистика, активистский подход и теория структуризации, системный, топологический, сущностный подходы, синергетика, радикальный

конструктивизм, организационная теория, структурная антропология, социология воображения, теория конвенциональных взаимодействий и другие теоретические инструменты.

Отметим также возросшую роль интегративной методологии, которая диктует проведение исследования этносоциальных процессов в широком междисциплинарном интервале: физика – биология – психология – когнитология – организационная теория и т. д. Интегративная методология исходит из постулата, что человек – это целостное существо, способное к саморегуляции и развитию. Природа в целом обладает целостностью и представляет собой иерархию. В ней каждый элемент является «целым» по отношению к своим частям и «частью» по отношению к большему целому, которое, в свою очередь, предстает в качестве единой и неделимой сети событий и взаимосвязей. При интегративном взгляде на мир акцент смещается от субстанции и объекта к форме, паттерну и процессу или от бытия к становлению.

Становление как процесс самоорганизации и усложнения мира согласно общим законам движения, является продуктивным концептом современного эволюционизма. Парадигма глобального (универсального) эволюционизма задает методологический принцип понимания социальных процессов как части общеприродных процессов становления и существования материи вообще и, в частности, биологической жизни на Земле. Такой подход позволяет теоретически выделить этапы становления социальной материи, а значит – уточнить место в этом процессе этнического модуса социальной реальности [10].

Этносы можно представить в виде социальных общностей-организаций как определенный «результат» саморазвития и усложнения социальной материи. Этносы конституируют высший уровень сложности материи в ее социальном модусе и становятся матрицей социальной организации. Этнос как организация¹ (согласно организационной теории) удивительно функционален в том смысле, что самой природой предназначен для сотворения человека как существа, в свою очередь, аккумулирующего следующую ступень сложности социальной материи: люди в процессе социального сосуществования (общения, созерцания, коммуникации, деятельности и т. д.) все глубже познают, переживают реальную действительность (природу, общество, самих себя), все полнее и адекватнее раскрывают и используют ее объективные закономерности. В меру этого они сознательно или бессознательно, рационально и интуитивно прокладывают свой жизненный путь.

Принимая теоретическую позицию, предложенную организационной теорией (Г. Шпет, А. Богданов, В. Костин и др.), можно уйти от традиционной схемы холизма, в которой людей рассматривают как элементы организации, а сама организация представляется системой. Анализ этноса как функциональной организации позволяет понять, благодаря чему, в условиях этнической культуры индивид сохраняется и наполняется гуманистическим содержанием, что, по мнению духовных Учителей человечества, является целью эволюции. Исследователь этнических процессов А. Дугин, отметивший главное качество этноса как организации – его гомологию, – не придает ему должного значения [11]. На наш взгляд, гомология есть ядро матрицы этноса как социальной организации, так как создает этноформам равные «стартовые» возможности и поддерживает их в течение всей их социальной и культурной практики, помогая сохранять ощущение принадлежности к человеческому миру. Понимание организационного «устройства» этноса подводит к пониманию значения этнического модуса социального мира. Эти организационные формы «не могут быть ни устранены, ни отменены в силу своей естественности и укорененности в нелинейных свойствах самой социальной среды.

Предложенный нами (схематично и неполно) подход не противоречит методологии изучения социального мира в украинской социальной теории и философии: универсальный эволюционизм, идея коэволюции в системе «общество-природа» представлены в работах ученых киевской философской школы²; в их работах поддерживается универсализм как теоретическая установка, и в то же время содержится анализ специфических для конкретных областей знания понятий и концептов, как, например, толерантность, что отражает одну из актуальных проблем современного поликультурного мира [12]. Как мы предполагаем, на фоне отказа современной социальной философии от принципа монизма в пользу плюрализма, учитывающего широкий спектр факторов и процессов человеческой истории, выбранный

¹ Организованность – это имманентное, интегральное состояние, возникающее вследствие открытости любой системы как ее атрибут.

² Е. Быстрицкий, Т. Гардашук, И. Добронравова, А. Ермоленко, М. Киселева, В. Крисаченко, С. Крымский, В. Лукьянец, М. Попович, Л. Соловей, Н. Хилько, В. Чуйко; О. Базалука, В. Кизима и др.

методологічний орієнтир послужит для обоснования необходимости и возможности концептуализации, как этноса, так и этносоциального модуля социальной реальности.

Актуализирует этнические исследования сегодняшняя социально-политическая ситуация в мире и Европе, в частности российско-украинский конфликт, имеющий и этнокультурный срез. Необходимо учитывать, что требуют не военного, а широкого гуманитарного экспертного разрешения проблемы носителей конкретного социального и культурного единства – этнических сообществ, которые могут сопротивляться всей мощью своих фундаментальных констант такой трансформации социальной реальности, которая ощущается ими в качестве опасной для их существования.

Источники и литература

1. Маркс К. Критика политической экономии. Предисловие / К. Маркс // Маркс К. Энгельс Ф. Собрание сочинений. – Т. 13. – 2-е изд. – М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. – С. 5–9.
2. Конт О. Дух позитивной философии / О. Конт // Слово о положительном мышлении: [пер. с фр. И. А. Шапиро]. – Ростов н/Д.: Феникс, 2003. – 256 с.
3. Зиммель Г. Созерцание жизни / Г. Зиммель // Избранное: в 2 т. – М.: Юрист, 1996. – Т. 2. – 607 с.
4. Осипова Е. В. Социология Эмиля Дюркгейма / Е. В. Осипова // История буржуазной социологии XIX – начала XX века / под ред. И. С. Кона. – М.: Наука, 1979. – 344 с.
5. Теннис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – М.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
7. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия / Э. Гуссерль // Вопросы философии. – 1986. – № 3. – С. 101–116.
8. Московичи С. Машина, творящая богов / С. Московичи: [пер. с фр.]. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 560 с.
9. Гречко П. К. Концептуально-методологические срезы социального / П. К. Гречко // Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2009. – 440 с. – С. 14–164.
10. Орлов В. В. Проблема материи в современной российской философии / В. В. Орлов // Философия и общество. – 2010. – № 3. – С. 22–39.
11. Дугин А. Г. Этносоциология / А. Г. Дугин. – М.: Академический проект, 2011. – 632 с.
12. Быстрицкий Е. К. Конфликт культур и методология толерантности / Е. К. Быстрицкий // Вопросы философии. – 2011. – № 9. – С. 74–86.

References

1. Marx, K., Engels, F. (1959), «*A Critique of Political Economy. Foreword*», Vol. 13, 2-nd ed., Moscow: State Publishing House of Political Literature, Pp. 5–9.
2. Kont, O. (2003), «*The spirit of positive philosophy. Word about the positive thinking*», Rostov na Donu: Feniks, 256 p.
3. Zimmel, G. (1996), «*The contemplation of life. Selected*», Vol. 2, Moscow: Yurist, 607 p.
4. Osipova, Ye. V. (1979), «*Sociology of Emile Durkheim. The history of bourgeois sociology XIX - early XX century*», Moscow: Nauka, 344 p.
5. Tennis, F. (2002), «*Community and society. The basic concepts of pure sociology*», Moscow: Vladimir Dal', 452 p.
6. Parsons, T. (1997), «*The system of modern societies*», Moscow: Aspekt-Press, 270 p.
7. Gusserl', E. (1986), «*The crisis of European humanity and philosophy*», *Voprosy filosofii*, No. 3, Pp. 101–116.
8. Moskovichi, S. (1998), «*The machine, which makes gods*», Moscow: «Center for Psychology and Psychotherapy», 560 p.
9. Grechko, P. K. (2009), «*Conceptual and methodological sections of the social*», *Sotsial'noye: istoki, strukturnyye profili, sovremennyye vyzovy*, Moscow: ROSSPEN, 440 p., Pp. 14–164.
10. Orlov, V. V. (2010), «*The problem substance in modern Russian philosophy*», *Filosofiya i obshchestvo*, No. 3, Pp. 22–39.
11. Dugin, A. G. (2011), «*Ethnosociology*», Moscow: Akademicheskii Proyekt, 632 p.
12. Bystritskiy, Ye. K. (2011), «*The conflict of cultures and the methodology of tolerance*», *Voprosy filosofii*, No. 9, Pp. 74–86.

Смельянова Юлія. Етнос у предметній площині соціальної філософії. У статті розглянуто проблему теоретичного визначення етносу в предметній площині соціальної філософії та соціальної теорії. Запропоновано можливу стратегію дослідження етнічних процесів, обґрунтовано необхідність логіко-філософського узагальнення всього масиву знання в цьому питанні, що накопичено в науці про людину та її життєдіяльність. Сутність і роль етносу як суб'єкта соціальної реальності проаналізовано з позиції інтегрального підходу та теорії організації.

Зроблено висновок, що розв'язання цієї проблеми за допомогою сучасного соціально-гуманітарного знання може сприяти пом'якшенню соціально-політичних проблем сучасного світу.

Ключові слова: соціальна реальність, суспільство, етнос, суб'єкт соціальний, етнічна організація.

Yemelianova Yulia. Ethnos in a Discipline (Object) of Social Philosophy. The author studies the problem of a theoretical definition of ethnos as a subject of social philosophy and social theory and suggests a possible research strategy of ethnical processes. The necessity of logical-philosophical generalisation of extensive knowledge accumulated by various branches of human science is grounded in this article. The nature and the role of ethnos as a subject of social reality is could be studied from the position of integral approach and organizational theory.

The author's grounds is an implication that the solution of a given problem by the methods of modern social-humanitarian knowledge may assist the resolution of the modern world's social-political problems.

Key words: Social reality, society, ethnos, social subject, ethnic(al) organization.

Стаття получена 14.11.2014 г.

УДК 316.334.4

Катерина Олещук

Актуалізація ідеї права в державницьких поглядах С. Дністрянського

У статті розглянуто проблему актуалізації ідеї права в державницьких поглядах С. Дністрянського на тлі сучасності. Аналіз провідних положень соціально-правових трактувань науковця показав їх співмірність у багатьох аспектах із сучасністю. Зокрема, це стосується питання самоорганізації народних мас, рівня й напряду соціально-правової освіти як основи державного будівництва та, головне, визначення самого громадянина як суб'єкта активних перетворень у державі.

Ключові слова: ідея права, народ, соціальна спільнота, держава.

Постановка наукової проблеми та її значення. Сьогоднішні події в Україні змушують учених різних галузей актуалізувати (активізувати) наукові пошуки виходу із суспільної кризи. У світовій спільноті вже існують варіанти вирішення подібних ситуацій, проте кожна країна має свої особливості перебігу соціальних процесів, на які впливають багато не лише фізичних, а й психологічних факторів. Особливості історичного розвитку соціальної спільноти, менталітету народу можуть мати визначальне значення, коли йдеться про розв'язання основоположних моментів становлення держави, вирішення політичних та збройних конфліктів. У таких випадках дуже важливо враховувати глибинні підвалини національних особливостей держави. Тому ми вважаємо за потрібне звернутися до спадщини українських науковців, які не лише розуміли нашу національну специфіку, а й були її відображенням у своїх здобудках. Це уможливить значне підвищення шансів на успіх намагань зберегти незалежність та мир на нашій землі.

Аналіз досліджень цієї проблеми. Дослідження права в державі в найрізноманітніших інтерпретаціях у науці побутують із часів виникнення держави як такої. Це питання вивчають науковці різних галузей, проте всі теоретичні розробки з цієї тематики можна згрупувати у дві частини, де основним критерієм поділу виступатиме превалююча роль держави (тобто держава як найвища ціль і народ їй підпорядковується) або народу (де держава створена, щоб забезпечити життя народу).

Мета статті – актуалізація ідеї права в державі на матеріалах наукової спадщини С. Дністрянського.

Виклад основного матеріалу й обґрунтування отриманих результатів дослідження. Станіслав Дністрянський – видатний правознавець світового рівня, соціолог, громадський та політичний діяч поч. ХХ ст. Учений, який не лише давав наукове обґрунтування державницьким процесам того часу, а й був безпосереднім їх творцем та учасником. Тому і як науковець, і як громадянин глибоко відчував та розумів напрям, у якому має розвиватися наша держава.

Провідні ідеї в теорії права того часу науковець поділяє на ідеї свободи людини та ідеї суверенності народу поряд із суверенністю держави. Як новий на той час чинник у розвитку держави учений відзначає появу суспільності як суб'єкта змін (дій). Раніше основним рушієм державних змін була влада. Людина